

АТЫ-БАТЫ

Редко можно увидеть по-настоящему счастливых людей – они обнимаются, плачут от радости, подкидывают вверх ушанки и кричат «Урааа! Победа!».

Так закончилась реконструкция, посвященная дню снятия блокады Ленинграда. После кровопролитного сражения, толпа зрителей хлынула волной на поле, в надежде ухватить свой кусочек счастья – залезть на танк или сфотографироваться с участниками. Мы тоже побежали на поле с криком: «Бей фашистов!» и взяли в плен зазевавшегося немца. Выбрали самого скромного, улыбающегося, в каске и с настоящим ружьем и учинили ему настоящий допрос. Он представился Фрицем Петровым, рядовым 32-го пехотного полка вермахта.

Почему ты воюешь на стороне фашистов в реконструкции? Как-то непатриотично, тебе не кажется?

В этом нет ничего антипатриотичного, мы ведь реконструируем не идею, а событие. Просто конкретизируемся на немецкой армии. Кроме того, у зрителей негатива мы не вызываем, а даже наоборот, они улыбаются, благодарят нас, фотографируются, говорят: «О! Похож!». И фашистами нас не считают. И потом, должны же советские войска с кем-то сражаться!

А как возник интерес к военной теме?

Я учился в обычной школе, где все знают, что русские вышли победителями. Примерно с седьмого класса я начал интересоваться военной историей, точнее, историей Второй мировой войны. Как известно, историю пишут победители, а мне хотелось узнать истину, то, что не написано в учебниках, чтобы взглянуть на ситуацию с другой стороны, и я стал читать мемуары немцев, итальянцев, испанцев. Причем, не мемуары политических деятелей, а переведенные дневники, письма, авторские доработки обычных людей. Вот так и заинтересовался.

Как ты попал в клуб реконструкторов?

Нашел в соцсетях людей, с которыми у нас общие интересы, они мне рассказали про реконструкторов. Там же узнал про коллекционирование, начал собирать предметы быта, потом военные атрибуты, связанные с определенным периодом. Что-то покупал в интернете, что-то брал с рук, что-то обменивал. Я собрал небольшую коллекцию в духе того времени, с этого все и началось.

Где сейчас эта коллекция?

Сейчас она изменилась и пополнилась, многие экспонаты я обменивал на вещи интересующего меня периода войны, за исключением, пожалуй, бритвы.

А где берете обмундирование?

В Польше сохранились склады времен Великой Отечественной войны, оттуда поставляют одежду и продают коллекционерам. Ну, и конечно, делают очень большие наценки. Узнать, какая была одежда, помогает интернет, книги (в основном англоязычные), хроники и фотографии. Форма должна быть отдельно летняя, отдельно зимняя (все по 2 комплекта).

Какой смысл дорого одеваться?

Можно, конечно, и в мастерских пошить любую одежду той эпохи, так сказать, на заказ. Это выйдет раза в три дешевле, но уже не будет иметь исторической ценности. Каждый сам для себя решает, но если я чем-то занимаюсь, то делаю это хорошо и качественно, поэтому все оригинальное

У тебя и оружие есть, настоящее?

Как таковое оружие мы не используем. Это макеты, заряженные холостыми патронами, то есть патронами без пули, поэтому ранить, а тем более убить кого-то

невозможно. А значит, функцию боевого оружия они не выполняют. Где берем их, сообщить не могу – у каждого свои места добычи. Что-то привозят из-за границы, что-то в земле откапывают. Хотя макет можно и в магазине купить.

Расскажи, как реконструируют сражение?

Все начинается с подготовки поля боя: где вскопать, где ров сделать и какую колючку поставить. Как правило, эта часть реконструкции занимает больше всего времени, например, к январю 2012 года мы два месяца готовили поле в Порожках. Каждые выходные туда ездили и копали траншеи, делали окопы и строили блиндажи.

Каждая реконструкция привязана к определенному историческому событию, однако, доскональная историческая четкость необязательна, это ведь абстрактная реконструкция. Тем не менее, у нас есть сценарный план, некая договоренность, которой мы следуем. Сначала зрители просто гуляют, каши разные из полевой кухни кушают, депутаты со сцены разговаривают. Все мероприятие длится часа 3 и заканчивается военно-исторической реконструкцией. А тут уже все зависит от количества участников: чем их меньше, тем быстрее проходит реконструкция. Обычно сражение занимает от 15 до 40 минут. Бывают и большие реконструкции, они длятся более часа.

Всего-то? Столько времени и денег на подготовку, экипировку – довольно затратное хобби!

Ну, не одни затраты, иногда можно и заработать. Мне повезло сняться в фильме Федора Бондарчука с рабочим названием «Сталинград». Съёмки проходили в поселке Саперный. Снимали нас 3 – 4 дня, рабочий день длился с 9 утра и до 10 вечера. Расставляли, говорили что делать: ползти за танком или идти в атаку. Камера снимала несколько секунд, потом «Стоп! Снято!», – и сидим курим до следующего эпизода.

Тут все зависит от режиссера, сможет ли он позволить себе нанять реконструкторов, потому что рабочий день стоит от 3 до 5 тысяч рублей. Это нормальная цена, за которую хочется работать, таскать оружие и пачкать форму.

Что дает Вам увлечение реконструкцией?

В последнее время у молодежи повышается интерес к войне, военным действиям: средний возраст участников реконструкций – 23-25 лет, есть и школьники 16-17 лет. Нам скучно сидеть дома, ходить в кино или просто шататься по улице! Мне интересна история с точки зрения обычного человека, для более точного и яркого представления о том времени и сражениях. Мне всегда хотелось знать, что люди ощущали в то время. Реконструкция помогает прочувствовать запах войны. Конечно, такого страха, как в войну нет, но зато есть азарт и адреналин!

...Толпа потихоньку покидала поле битвы, вот и мы освободили нашего пленного фашиста, поблагодарили и пожелали ему дальнейших успехов.

Ирина ШАМСИРОВА,
«РИТМ 640»